

Каменев Владимир

ПОВЕЛИТЕЛИ РЕКИ

Рассказы о природе

ПОВЕЛИТЕЛИ РЕКИ

Сказ про Кошкина-дурака, бобровую мудрость и людскую глупость.

Пропавшая речка

Этой ночью исчезла речка Вобла – она текла среди непроходимых лесов и болот. Жители деревни Куково слышали, что много лет назад Вобла катилась по другому руслу. Люди ломали голову, а не свернула ли она на прежний путь? Решили подождать. Вдруг все как-то уладится, утрясется, и вынырнет Вобла перед деревней с прозрачной ледяной водой.

Всякое говорили в Кукове. Но чуда не случилось. Речка не зажурчала. Люди окунулись в задумчивость. Огороды, сады засыхали. Урожай погибал. Народ запаниковал: за что им такие напасти?!

Сельчане собрались на берегу и тревожно спрашивали друг друга «что делать?». Не сговариваясь, толпой двинулись вверх по реке, чтоб узнать, что к чему.

Сначала они гурьбой шагали по мокрому песку, затем перед ними встала первая преграда – яма с водой. В ней плавала рыба. Красноперая плотва и серебристые подлещики бурлили в воде. Рыбе было так тесно, что она выпрыгивала из ямы, плюхалась под ноги людям. Мужики сняли брюки, завязали узлом штанины, и водили холщовыми самоловами по яме, будто неводом. Штанины раздувались от рыбы, ходили под водой из стороны в сторону. Женщины собрали на песке плотву и подлещиков, затем подвернули юбки, стали руками ловить рыбу в мутной воде.

Более сознательные и упертые отправились дальше: они хотели дойти до конца. Им казалось, совсем немного, за первым поворотом все прояснится. Но за изгибом реки встала новая преграда – бурелом. Еще часть людей вернулась назад. Кому охота руки-ноги ломать? Слабаки потихоньку, незаметно возвращались домой, с уверенностью, что обойдутся и без них.

А преграды и трудности на пути не кончались. Они становились все тяжелее. Появились змеи. Потревоженные гадюки ползали между камней, мелькали в крапиве, вились среди коряг. Теперь дорога стала не только трудной, но и опасной. Рисковать собственной жизнью никто не хотел: не стоит Вобла того. Идти дальше все наотрез отказались. Начали искать сознательного добровольца. Обещали денег. Вызвался сельский лодырь Кошкин. Жил он один, огород не возделывал, скотину не держал. Он любил умную книжку почитать, радио послушать, телевизор

посмотреть. Такую вольную жизнь в селе осуждали. Все привыкли крутиться от рассвета до рассвета. Кошкина с его интересом к чтению почитали на селе за дурака. Решили, если он и пропадет, спасая Воблу, то не жаль такого!

Кошкину набрали сумку с едой, у кого что нашлось, наскребли семьсот рублей, – за работу. Кошкин прилюдно обязался, что обнаружит пропажу Воблы, но про себя решил вернуться в деревню до темноты, чтоб не сгинуть среди змей. За такие гроши он рисковать не хотел. Нашли дурака!

Жители деревни Куково потянулись в обратный путь, споря, дойдет или не дойдет их лентяй и лоботряс до того места, где Вобла провалилась под землю? Решили, что воротится ни с чем – деньги и харчи потрачены зря, выброшены на ветер. Не такого он ума и упорства, чтоб разгадать эту тайну. Послали пустого человека! Пусть бы сам пропадал, не жаль пустобреха. Плохо, что воду в село он не пустит. А без речки люди пропадут.

Бобровая крепость

Бобры соорудили на речке Вобла плотину. Перегороженная речка растекалась в большое озеро, затопляя крапиву и кипрей на берегу, кусты жимолости. Деревья тоже медленно уходили под воду, делались заметно короче. Вода у плотины собиралась неспешно, заполняя все ямки, впитывалась в землю. Не меньше месяца заполнялось бы глубокое озеро. Потом вода поднялась бы над бобровой плотиной, наполнила б речное русло.

Запруда строилась из стволов осин и тополей, веток и даже камней. Все сооружение звери обмазали толстым слоем глины и ила. А для надежности плотину подперли заостренными кольями по берегам.

Посредине запруды возвышалась двухэтажная хатка. Ее бобры выгрызли в уже выстроенной плотине. На первом этаже, под водой – кладовая, на втором спальня, в которой все животные свободно поместились. Вход в дом спрятался под водой.

В бобровой квартире оставалось прохладно в любую жару. Сверху жилище защищали от солнца сучья и ветки, а снизу журчала студеная вода. Нередко жирные пескари и быстрые плотвицы юркали в кладовую, прятались среди бобровых запасов: веток и палок. Здесь они спасались от окуней и щук. Бобры не трогали рыбу, они ее словно не замечали.

В хатке поселилась семья бобров: бобр, бобриха и маленький бобренок.

Бобр, отец семейства, оказался темно-коричневого цвета, плотный, с большой головой, лопатообразным, плоским хвостом. Из рта у него торчали два резца, покрытых особой эмалью апельсинового цвета. Бобриха и бобренок были похожи на самца, но посветлее.

Ночью бобры ели сочную прибрежную траву, пополняли запасы своей кладовой ивовыми, осиновыми веточками, корневищами кувшинок, ремонтировали плотину. Днем – отсыпались. Только маленький бобренок не давал родителям спать. Елозил, шумел, бегал по хатке, пытался нырнуть в кладовую, куда ему запрещалось лезть. Мама сердилась, слегка шлепала его по спине лапой, мягко покусывала. Отец сердито ворчал. Предупреждал, что тот дождет серьезной взбучки.

Кошкин упорно шел по высохшему руслу реки. Он никуда не спешил. Его не ждала дома голодная скотина, маленькие дети. Он спокойно поднимался вверх по реке, любовался природой, которая его вдохновляла. Он даже пытался сочинить стих в японском духе: «Поеду на рыбалку – слушать соловьев»

Бобры издалека слышали чьи-то шаги, затаились в хатке. Бобренок прижался к маме, испуганно поглядывая на отца. Бобр поднял голову, принялся. Запаха чужака он пока не слышал, не мог определить, что за зверь, не таясь, идет по руслу реки к его дому.

Кошкин подошел к плотине и обомлел – выше его роста. Не верилось, что ее построили звери без чертежей и планов. Теперь стало ясно, куда подевалась речка! Бобры ее заперли с помощью своей запруды! Кошкин походил вокруг, восхищаясь работой бобров. Потом вспомнил, зачем его посылали.

Он ухватился за бревно в плотине, начал раскачивать. Запруда затрещала, сквозь нее заструилась вода. Бобры на всякий случай придвинулись к выходу – они ощутили опасность. Кошкин раскачивал бревно из всех сил, но вытащить его так и не смог. Тогда он вынул кол, который упирался в берег и подпирал плотину. Раненая плотина потекла. Сквозь нее хлынула вода.

Бобры тут же улизнули в запасную нору. Они заранее вырыли ее в берегу реки, выше плотины. Так всегда делали их отцы, деды и прадеды. Всякое может случиться.

Кошкин выворачивал из плотины сучья и ветки, с размаху всаживал в нее бобровый заостренный кол. Вода полилась еще сильнее, обдала человека с головы до ног. Напор крепчал, вода разрывала плотину: слишком много ее накопилось в новом озере. Часть запруды сдвинулась с места, предупреждая об опасности. Кошкин не ощущал тревоги: крушил, громил плотину. Запруда трещала, гудела. Наконец-то до него дошло, что пора удирать. Кошкин бросился на берег, но не успел. Лавина воды опрокинула его на спину, накрыла острыми сучьями, бревнами, потащила за собой. Кошкин захлебывался, пытался выбраться на поверхность реки, чтоб глотнуть воздуха – все было тщетно. Лишь одна рука показывалась из воды среди веток и сучьев, словно молила о пощаде. Запруда впиалась в него, не отпускала – будто мстила. Большая вода сразу заполнила ложе реки, с грохотом и свистом понеслась по своему руслу.

Нагромождение из сучьев и бревен застряло среди камней. Река смиловилась, освободила человека. Кошкина выбило из-под завала, порвав одежду – на нем висели лохмотья, с ног сорвало резиновые сапоги. Вобла понесла его за собой, словно не хотела расставаться. Кошкин старался схватиться за свисающие над водой ветки, но река отрывала его, несла дальше, не давая вылезти на берег.

Впереди реку перегородило толстое сучковатое бревно. Кошкина несло прямо на острые сучки. Казалось, еще мгновение – и они пронзят его, точно острые ножи. Он вовремя уцепился за нависший над водой куст, начал выползать на берег. Сельчанин не чувствовал, как пузырилась кожа от ожогов крапивы, как лицо оплыло, глаза затекли. Ничего не видя, он ломился на берег, треща сломанными ветками. Падая на колени в грязь, полз вверх – к спасению. На берегу он пролежал минут десять, не в силах пошевелиться: так его вымотала борьба за свою жизнь.

Кошкин клялся себе, что никогда, ни за какие деньги больше не вяжется в такую историю: жизнь и здоровье дороже. Проклинал земляков, которые подбили его на это дело. Пусть бобры живут, как хотят. Без плотины им не выжить: в хатке они спасаются от хищников. Можно потерпеть месяц без этой речки, возить воду для огородов из дальнего озера. А уж кому совсем невтерпех, – нечем заняться, кроме полива своих огурцов-помидоров, пусть роют колодцы, ищут грунтовые воды. Привыкли на халяву из речки воду качать. Так думал Кошкин, у которого ни огорода, ни скотины не было. Он забыл, что огурцы да помидоры долго без воды не протянут – засохнут. Односельчане останутся без денег.

Одежда на Кошкине изодралась, лицо покарябалось, в волосах засели ветки, листья, труха. Он брел по мелкой речке измученный, голодный, но радостный. Он все-таки победил

Воблу, заставил воротиться. Это он, Кошкин, выпустил ее на волю, дал деревне воду. Над водой свисали гроздья ежевики – крупные, сочные. Кошкин брал ее горстями, запихивал в рот, машинально жевал. Черный сок стекал по губам, капал в реку.

Кошкино вместо Куково

Лишь поздно ночью приковылял Кошкин в деревню. Собаки не узнали его и подняли лай: он походил на пугало – грязный, в разодранной одежде, без сапог. Но он был счастлив: никто не сумел бы повторить его подвиг!

Кошкин стучался в каждый дом, будил людей.

– Вставайте, лежебоки! Вобла вернулась! – кричал он.

Ему захотелось стать героем прямо сейчас, а не утром. Вначале от него шарахались, чисто от бродяги, затем узнавали, радовались вместе с ним радостной новости, называли настоящим мужиком. Ему налили самогону, дали чистую одежду. Смазали зеленкой ссадины, царапины на лице. Он стал похож на бойца спецназа, который только что вернулся с тяжелого задания и выиграл бой с опасным противником.

Любопытным землякам не терпелось услышать от Кошкина подробности о его подвиге, но тот отмалчивался, говорил, что дело оказалось трудным, чуть не утонул, едва спасся. Лепетал о каких-то темных силах. При этом делал страшные глаза, сжимал кулаки. Но о сути хитрый Кошкин не сказал ни слова. Один туман напустил. Наивные Куковцы решили, что это какая-то страшная тайна, о которой Кошкин дал зарок молчать. Возможно, под страхом смерти.

Слух о возвращении речки пронесся по селу мгновенно: среди ночи вся деревня повалила к Вобле. Даже старики и дети отправились к реке. Все хотели своими глазами убедиться, что Кошкин их не дурачит.

И впрямь! Речка Вобла вернулась! По-прежнему шумела вода, также свисали над водой ветки ивы, голосисто квакали лягушки, с воды поднялась цапля, бесшумно размахивая большими крыльями.

Куковцы ликовали, как никогда. Только сейчас они поняли, как Вобла прекрасна. Даже сравнили ее с драгоценной жемчужиной. Заходили в речку, плескались, пили сырую воду, не опасаясь последствий: чище Воблы не бывает. Схватили Кошкина, раскачали за руки – за ноги, и на радостях бросили в реку.

Кошкину не хотелось купаться, но он терпел. Это его вода, его речка! Он подарил ее за пустяк, даром, по доброте души.

Благодарные сельчане обещали Кошкину поставить у сельсовета его памятник. Они даже вспомнили скульптора, которому его закажут. Тот наверняка изобразит Кошкина в позе странника-пилигрима: с посохом в руке, в расстегнутой куртке с оторванными пуговицами, в рваных брезентовых штанах и голыми ступнями – таким он явился со своего похода. Говорили, что будет красиво, романтично. Главное – собрать деньги на бронзу.

Сельчане сулили рассказывать о Кошкине своим детям и внукам. Местный учитель сравнил его с Прометеем, принесшим людям огонь. За что героя обрели на муки. Предложил переименовать деревню Куково на Кошкино.

Волки против бобров

Ночью бобры начали рыть канал до ближайшего леса, чтоб сплавлять деревья для ремонта своей полуразрушенной плотины. К счастью, сама хатка не пострадала – осталась на воде.

Вода из реки двигалась за бобровой семьей по каналу. Бобр шел первым. Он раздирал своими резцами дерн, будто мотыгой. Пласт за пластом земля бухалась в воду. За ним семенила бобриха. Она выбрасывала землю передними лапами из канала, опираясь на дно жестким хвостом. Бобренок тоже силился помочь родителям, но только мешал, путался под ногами. Забегал впереди отца, рискуя попасть под его резцы. Бобренок уже плыл за родителями, которые бултыхались в канале, углубляя его русло. Они трудились, словно живые землечерпалки. Мокрая земля так и вываливалась из канала, чернела на берегу. Его русло ширилось, заметно углублялось.

Волки решили поохотиться на бобров – дожидались свою добычу в кустах. Лежали тихо, не шевелясь. Они таились с подветренной стороны, и бобры не могли их обнаружить. Когда бобры очутились рядом со стаей хищников, те внезапно выскочили с двух сторон, чтоб древоеды не разбежались. А те и не думали выскакивать из воды: это их защита.

Волки нацеливались на детеныша, думали отбить его от родителей. Маленький звереныш – легкая добыча. Но волки никак не решались прыгнуть на малыша, опасаясь отточенных, как ножи, резцов отца. Таким оружием он мог убить, или покалечить. Пример стае подала волчица. Она не стала медлить, – прыгнула на самца, схватила зубами за шею. Бобр взвизгнул от боли, увлек хищницу под воду – здесь он никого не боялся: хоть полчаса просидит на дне. Волчица мгновенно нахлебалась воды, разжала когти и зубы. Она выпустила добычу, неуклюже выбралась на берег, отрясала с себя воду, рычала от злости. Волчица осознала, что с взрослым бобром ей не справиться, и хотела сигануть на бобренка. Хоть что-нибудь на закуску. Бобриха вовремя заслонила его своим телом, и волчица притормозила с атакой.. Со здоровенной бобрихой бороться ей тоже не хотелось. Тем временем бобр изловчился, выпрыгнул из воды, неожиданно ранил хищницу резцом в заднюю ногу. Волчица завизжала и отпрыгнула в сторону. Она убедилась, что с бобром легко не справиться – хорошо вооружен. Остальные волки только рычали на бобров: с ними держи ухо востро, вон какие зубища! Бобриха пискнула на бобренка, чтоб тот убирался домой. Малыш мгновенно нырнул, незаметно поплыл под водой к дому, шевеля задними перепончатыми лапами. Бобриха устремила за ним, но ее подводный заплыв оставался заметен: по воде шла мелкая волна. Волки бегали вдоль канала, выли, но в воду не бросались: это опасно.

Бобр, отец семейства уходил от волков последним, отвлекая на себя внимание хищников, прикрывая отход семьи. Он плыл по каналу к реке – из воды торчала его грозная морда.

Волчица подталкивала стаю к воде, скалила зубы. Сама она страшилась бобра – о нем напоминала раненая нога. Наконец, волки поддались ее воле, всей стаей прыгнули на бобра, но промахнулись. Тот нырнул на дно канала и там замер – ждал, когда волки выскочат на берег.

Хищники барахтались в канале, выпрыгивали на сушу и вновь бросались в воду, искали бобра. Казалось, добыча где-то рядом, но поймать ее невозможно. Это доводило хищников до ярости, до бешенства. Нырять и искать добычу под водой они не решались: можно напороться на бобровые резцы.

Бобриха с бобренком проплыли канал и оказались в неопасности, в своей неприступной крепости – хатке. А бобр пролежал на дне канала минут десять, затем начал потихоньку шевелить лапами. Медленно, почти незаметно он плыл под водой. В мутном канале он был не заметен.

Волки носились вокруг, вынюхивали исчезнувшую добычу. Везде расходился бобровый запах, он висел в воздухе. Чтоб не выдать себя, бобр продолжал двигаться осторожно, с остановками, прижимая передние лапы к телу. Иногда ложился на дно и надолго замирал, чтоб сбить хищников с толку.

В хатке

Бобр благополучно воротился в хатку. На нем виднелась неглубокая рана от зубов волчицы. Бобреха приволокла из кладовой осиновые ветки – обычная для них еда. Бобры грызли твердое дерево, перемалывали в опилки, с удовольствием глотали эту древесную кашу. Они ничего вкуснее не пробовали, и не хотели пробовать.

Волки слышали хруст и скрежет, чуяли запах жеваного дерева. Они перестали бегать вдоль плотины и наострили уши – прислушивались к странным жителям запруды. Волчица даже взгромодилась на хатку, осторожно ступая на больную ногу. Наверное, она удивлялась, как можно глотать дерево? Это вызывало у нее страх перед бобровыми резцами. На мгновение она даже поджала хвост, но устыдилась своей трусости, рывкнула на стаю.

Волки вытянули шеи, махали хвостами. Они чуяли добычу, но не ведали, как до нее добраться. О входе под водой они догадывались, но не рискнули туда сунуться. От бессильной злобы они кромсали когтями плотину, повизгивали, подвывали. Волчица остро ощущала запах добычи, но перед ней была преграда – крепко построенная запруда. Волчица взбесилась. Она рычала, рвала зубами ветки и сучья. Ее рот быстро набился корой деревьев. Хищница кашляла, терла морду лапой.

Волки осадили хатку бобров. То и дело бросались на штурм, но все оказалось тщетно: развалить тяжелые бревна они не могли. Пустая трата времени. Бобровая крепость не поддавалась – легко выдерживала все волчьи атаки. Даже не пошатнулась. Точно строилась на века. От досады волки завывали громко и яростно. Словно призывали на помощь своих собратьев. Раскатистое эхо разносилось по всему лесу, пугая зверей.

Бобр был уверен, что его квартира выдержит натиск волков, но на всякий случай решил отвлечь хищников от своего дома. Он плюхнулся в воду, и всплыл посередине речки, как раз там, где было сильное течение. Из воды торчала его зубастая голова – он пристально смотрел на волков, будто дразнил. Волки прыгнули с хатки, носились по берегу, соревнуясь между собой в прыти, вытягивая свои хищные носы. Они лаяли на бобра в воде, как собаки. Тот спокойно посматривал на хищников: в воде он чувствовал себя в безопасности. Волки заходили в воду, но тут же выскакивали на берег, брезгливо встряхиваясь всем телом.

Волчица показала пример стае. Прихрамывая, забежала в воду и поплыла к бобру наудачу. Видимо, надеялась как-то прихватить его в воде, словно тот останется на месте, будет ее поджидать. Остальные устремились за ней, но сразу возвратились, когда вода коснулась их животов: им не хотелось купаться – в воде они ощущали угрозу. Волки выскочили на берег и долго стряхивали с себя воду, дрожа и поскуливая.

Волчица приближалась к бобру, злобно щерясь. Тот подождал, когда хищница подплывет поближе, и неожиданно скрылся, громко плюхнув хвостом-лопатой по воде. Растерянная волчица закрутилась на месте, высматривая потерянную добычу. Не ожидала она такого поворота. Через пару минут бобр показался у нее за спиной. Волчица уловила всплеск и кинулась за бобром, молотя лапами по воде – во все стороны летели брызги. Бобр поднырнул, и снова исчез. Игра в прятки продолжалась! Волчица снова бестолково искала потерянную добычу – и вдруг бобр неожиданно нарисовался в стороне. Он бесстрашно поглядывал на хищницу, готовый тут же нырнуть на дно. Несмотря на неудачи и усталость, волчица устремилась к бобру,

разрезая грудью воду. Но вскоре она выдохлась. Стало видно, что она заморилась: двигалась все медленнее и медленнее. Сил на борьбу с бобром у нее не осталось: в воде с ним не потягаешься. Разве такого достанешь?! Волчица повернула к берегу, где сгрудились волки, жалостливо поджимая хвосты.

Волчица выбралась на берег, рывкнула на стаю. За всех ей приходится отдуваться, воду речную глотать. Штурм бобровой хатки не получился, и волки перешли на медленную осаду. Часть стаи уселась возле хатки, другие волки расположились молча на берегу, пристально смотрели на бобровую голову в воде. Видимо, волки думали, что бобру в воде долго не продержаться, и он выйдет на берег. Тут-то они и сцапают его.

Бобру надоели такие игры. Он незаметно поплыл под водой, забрался в хатку, притащил из кладовой обед. Семья принялась закусывать, перетирая осиновые ветки.

Волков раздражали хруст, шумная возня, повизгивания. Бобры их совсем не боялись в своей крепости. Хищники больше не набрасывались на хатку, а терпеливо караулили добычу на берегу. Но шансов у них не было: бобры на берег – ни лапой, пока волки их караулят.

Бобры пировали всю ночь. Утром волки сняли бесполезную осаду, убрались в лес.

Ремонт хатки

Следующей ночью бобры дорыли канал до леса, подточили резцами и свалили несколько сосен. Освободили от веток стволы, разрезали на части, начали сплавлять по воде. Бобр толкал впереди себя тяжелое бревно, быстро работал задними перепончатыми лапами, шевелил хвостом-лопатой. Вода бурлила за бобром, точно за моторной лодкой. Бобр отфыркивался, сопел и буксировал бревно к плотине. Бобреха плыла сзади. Бобренок пытался играть с отцом. Подныривал под него, толкал в живот головой, хватал за хвост. Отец сердился, бухтел, но мирился с играми сына. Подрастет – поумнеет.

Бобры заново уложили в полуразрушенную плотину стволы деревьев, переложили их сучьями и ветками, тщательно замазали глиной и илом, подперли заостренными кольями.

Был жаркий летний день. Солнце палило нещадно. Многие лесные звери хотели пить. Но творилось что-то неладное. Не могло же светило за день иссушить целую реку? Куда привыкли ходить на водопой лоси и косули, не осталось даже тоненькой струйки воды. Лишь красовалось песчаное речное дно, усыпанное речными булыжниками, гравием. Желтые кувшинки, раньше плавающие на поверхности воды, теперь лежали на мокром дне, вытянув свои тонкие стебли.

А бобры продолжали восстанавливать свой дом. Когда плотина оказалась готова, бобреха с бобренком нырнули в хатку. Самка начала прихорашиваться: расчесывала мех задней лапой на брюхе, по бокам. А бобр до утра плавал вдоль плотины, заделывал малейшую протечку. Плотина удалась на славу! Лучше прежнего!

Река Вобла снова пересохла!

Дни позора.

Для Кошкина настали черные дни позора – вода в реке исчезла. Который день его в насмешку дразнили «Прометеем». Кошкин не огрызался, мирился с издевательствами, молчал. Он один знал, в чем дело – бобры постарались. Этим трудягам все нипочем. Вкалывают от зари до зари. Могли бы, и повременить с новой плотиной, дать ему передохнуть.

Кошкин всем говорил, что не собирается больше рисковать жизнью, почем зря, играть в благородство. Он не какой-нибудь солдат удачи, а мирный житель. Лучше он полежит на печке, да посмотрит телевизор.

Сидел Кошкин дома. Что ему речка? Принес из колодца ведро воды – на целый день хватит – хоть упейся. Другим, целую реку подавай, чтоб качать из нее воду насосами, огурцами и помидорами, да яблоками в городе торговать. Развелись коммерсанты, а ему и так хорошо на диване. Главное, чтоб не трогали со своими проблемами! Ему на них начхать!

– Эй, кого там леший принес? – Крикнул Кошкин в сторону двери, которая вдруг отворилась, то ли от ветра, то ли от не званого гостя.

Вошел председатель «Сельсовета» Кузовкин.

– Ты, это, кончай, – осмотрелся Кузовкин, – на диване лежать. Меня народ послал.

– Так пусть тебя народ и обратно пошлет! А то и я ведь послать могу! – Отозвался Кошкин.

– Мы здесь собрали – Председатель выложил на стол помятые десятки, сотни, – тебе немало рубликов.

Кошкин демонстративно смахнул со стола деньги, зло засмеялся – набивал себе цену.

– Нет. Так дело не пойдет! – Я не полоумный, чтоб зазря ласты склеивать.

– Мало? – удивился Кузовкин. – Ты с кого дерешь? Со своих?

Кошкин истерично засмеялся.

– Ты меня своими деньгами обижаешь! За такие дела тут не рубликами пахнет – валютой по курсу Центробанка.

Кузовкин собрал с пола деньги, погрозил пальцем, вышел.

На следующее утро у дома Кошкина собралась толпа. Второй день овощи в огородах без полива, скотина досыта не поена. Ребятишкам негде порезвиться – в Вобле искупаться. Да и рыболовы-дачники без дела. Удочки, да переметы забросили, грустят без рыбалки. Кошкин заважничал, долго не выходил из дома. Держал паузу – людей мучил. Наконец, вышел неохотно, с улыбочкой на лице.

– Никуда не пойду – заявил он сельчанам, – это дело опасное, не приведи никому, Господи.

– Говори прямо, – выскочил из толпы председатель «Сельсовета», – сколько хочешь? Только того... знай меру, не возносись!

– Да хоть озолоти! – хорохорился Кошкин.

– Пожалей старых и малых, – сказал Кузовкин, – пропадут ведь без речки.

Кошкин хмуро и подозрительно посмотрел на своих земляков, которые отправляли его на погибель ради своих шкурных огородных интересов.

– Нет, – сказал он твердо, – ищите дурака. Какой мне прок от ваших огородов, чтоб они засохли?!

Сельчане загудели, некоторые чувствительные старушки заплакали в голос, громко зарыдали: проклятие Кошкина могло сбыться.

– Смотри, как народ тебя просит, умоляет. Поимей совесть, верни речку! – Взмолился председатель "Сельсовета" Кузовкин.

Куковцы все разом закричали: «Просим, просим! Речку! Речку!»

Кошкин выждал, когда толпа успокоится, развел руки в стороны, будто для объятий, затем погрозил всем кулаком.

– Слава Прометея не для меня – мне здоровье дороже. А для поддержки штанов нужны бабки. Короче, так. За копейки не пойду, – сказал он твердо.

– Понятное дело, – зашумели в толпе, – не за грибами идешь!

– С риском для жизни, – Подтвердил Кошкин.

Сельчане радостно загалдели, рассчитывая побыстрее спровадить Кошкина в опасный путь. Надеялись, что тот не подведет, скоро пустит воду.

– Спаситель наш! Благодетель наш! – кричала толпа.

Председатель «Сельсовета» опять сунулся к Кошкину с деньгами, но тот презрительно отодвинул его своей твердой рукой.

– Не хулигань, – возмутился Кузовкин, – ты, что это возомнил? Для кого беда, а для кого мать родна?

– Все по-честному, – весомо сказал Кошкин, – Все по справедливости и закону.

Кузовкин пристально и напряженно смотрел в хитрые глаза Кошкина. Тот что-то замыслил.

– Значится так, – Наконец вымолвил Кошкин. – Я не мародер: лишнее не возьму. Эта работа тянет сто тысяч – к бабке не ходи. Но для родных куковцев сделаю одолжение – сезонную скидку. Верну вам речку за полтинник.

Наступила тишина. Кузовкин так и остался стоять с открытым ртом. Такой наглости он от земляка не ожидал. Народ тоже возмутился, взорвался гневом. Где это видано, чтоб со своих три шкуры драть? В Кошкина полетели яблоки, огурцы, палки. Кошкин вовремя шмыгнул в дом и щелкнул задвижкой. Куковцы дубасили в дверь, грозились пожаром – сжечь его в собственном доме, чтоб от того ничего не осталось. На что замахнулся? На их кровные, заработанные тяжким огородным трудом.

– У него от жадности брюхо не лопнет?! – кричали в толпе.

– Граждане! – успокаивал людей Кузовкин. – Не волнуйтесь! Кошкин про пятьдесят тысяч пошутил! Кто ему такую сумму выделит? Найдем добровольца, подберем кого-нибудь за пять тысяч.

Однако охотника пойти на это дело ни за пять, ни за десять не нашлось. Уж слишком все туманно, даже страшно. А там все может случиться. Кошкин еле живой вернулся. В разорванной одежде, в синяках.

Первыми взяли самоотвод мужики. У каждого нашлись неотложные дела – не до речки. А на подвиги времени нет. То да се, у кого срочная работа, у кого выгодный заказ, кому телят кормить, кому – поросят. А тут еще крыша протекла, забор покосился. Дел невпроворот, успеть бы, все разгрести.

Мужиков поддержали бабы. Привыкли: без мужа ни шагу. Заголосили:

– Дело-то опасное, а у нас – малые детки. Не приведи Господь, сиротами станут – кто их кормить будет? Где это видано, ходить незнамо куда? Да мы дальше "Сельсовета" да магазина никуда не ходим! Пусть идут молодые!

Но и молодые не рвались в бой. В интернете бродить интереснее. Да и родню не бросишь! К кому брат приехал, к кому – сват, у кого в семье – свадьба. Короче, надо поляну накрывать, гусят – поросят жарить-парить помогать. Не до речки.

И только один ветеран войны грозился, что выполнит задание, и пойдет не ради денег, а из общественного долга. Но куковцы в нем сильно засомневались по причине дряхлости организма.

Скрепя зубами, собрали по дворам пятьдесят тысяч, но отдавать не собирались. Только после работы, когда речка вернется.

– Не доверяете? – рассердился Кошкин. – Тогда вообще не пойду.

– Доверяй, но проверяй, – пытался отшутиться Кузовкин, – такие средства под честное слово. А вдруг обманешь? Ты ведь молчишь, как партизан. Подо что платим, за какие дела? Все во мраке.

В конце концов, Кошкин получил половину. Остальное Кузовкин оставил при себе – до возвращения героя. Но и этого Кошкину было мало, он требовал ружье и патроны на крупного зверя.

– Зачем тебе ружье? – рассердился председатель «Сельсовета», – для каких надобностей?

– Надо, – отвечал Кошкин, – На дело иду.

– А ты стрелять умеешь? Пробовал хоть раз?

– Уж не промажу! Будьте спокойны – в яблочко.

Кузовкин призадумался, поскреб у себя за ушами. Решил, что видать дело и в самом деле опасное, страшное. Места там глухие, темные, кругом болота бездонные. Медведи, волки, да еще неопознанные существа, вроде дикого двухметрового человека – об этом еще в газете писали. Пусть возьмет ружье для самозащиты.

Мужики нашли незарегистрированную одностволку, дробь, пороха, латунные гильзы. Показали, как ружье заряжать, куда нажимать. Кошкин понимающе кивал головой, словно давно все знает, нечего его учить. Потом собрали по дворам десятка два пустых бутылок, – устроили пальбу. Со всей деревни сбежались гончие собаки. Видимо, собрались на охоту. Они облаивали мужиков, искали в округе чьи-то следы.

Кошкин убедился: ружье в руках деревенских охотников стреляло громко и иногда – метко. Он тоже попробовал. Но, видимо, мужики переборщили с порохом. Отдача была такая, что он после выстрела повалился на руки своих односельчан.

Потом Кошкину накрыли стол за счет "Сельсовета". На проводы Кошкина собралась вся деревня. Народ радовался, что нашелся повод выпить и закусить.

– Ну, за нашего Прометея! – кричали мужики.

Появилась местная красавица Глаша. На ней был красный сарафан и сафьяновые сапожки. За Глашей шел баянист. Артисты подошли прямо к Кошкину. Девушка так глядела на него, что он размышлял отремонтировать свой обветшавший дом, – денег хватит. И потом непременно на Глаше он женится. К тому же Кошкину пообещали соорудить на реке мельницу и поставить начальником. Работать не надо, отдавай лишь распоряжения, да получай зарплату. Да